

ТРИВЕН

Дана Корсак

Книга 1

Убийство на Медовой улице

Дана Корсак

Убийство на Медовой улице

«Автор»

2025

Корсак Д.

Убийство на Медовой улице / Д. Корсак — «Автор», 2025

В столичном городе Эдергейме преступления происходят чуть ли не каждый день, поэтому городская стража всегда начеку. Но когда на тихой улочке находят два изуродованных трупа, стражники вынуждены обратиться за помощью к инквизиторам. Жертвы явно были убиты с помощью магии, а Королевская Инквизиция была создана именно для расследования магических преступлений. Ведя расследование, инквизиторы сталкиваются с древними тайнами, темным колдовством и опасными врагами. Каждая разгаданная загадка приводит к новым вопросам, и граница между добром и злом становится все более размытой.

© Корсак Д., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дана Корсак

Убийство на Медовой улице

Глава 1

Эдергейм, Медовая улица

Сержант Уоррен Гривз прослужил в городской страже двадцать три года и, в целом, повидал в своей жизни всякого дерьма. Но сегодня, стоя ранним июньским утром посреди улицы, он испытывал определенное замешательство.

— Это что за херня?

Его напарник Талбот Хейли тоже был несколько растерян, поэтому ответил четко, как в рапорте:

— Два трупа. Мужчины среднего возраста. Еще затемно их обнаружил пекарь. Пару часов назад по этой улице прошел патруль, ничего подобного не было.

— Ничего подобного не было... — повторил сержант. — Да не трогай ты его, Люк!

Третий стражник, наклонившийся было над одним из трупов, резко выпрямился.

— Я просто хотел глянуть, может его задушили.

— Задушили? По-твоему похоже, что его задушили?

— Да не особо похоже, — проворчал Люк. Он тоже был человеком опытным, приходилось ему видеть и висельников, и просто задушенных. Вряд ли бы он не заметил разницы.

Лицо трупа выглядело не синюшным, а почерневшим. И его сложно было назвать человеческим. Да что там, даже на звериную морду оно не походило! Скорее на маску из гладкой черной кожи. Нос почти исчез, осталась лишь плоская выпуклость с двумя узкими щелями. Рот превратился в тонкую складку, неестественно длинную. На месте глаз — едва заметные бугорки. Непонятно, то ли глаза закрыты, то ли их вообще нет.

У сержанта засосало под ложечкой, и он отвернулся.

— Как думаете, он всегда был таким уродом?

— Не знаю, — сказал Хейли. — Ничего не хочу об этом знать.

— У второго то же самое?

— Ага.

Тело второго мужчины лежало довольно далеко от первого, на другой стороне улицы. Улица носила чудное название — Медовая. Она была широкой: даже днем, когда перед домами выставляли прилавки, по ней свободно проезжала телега. Небольшие дома плотно прижимались друг к другу. Идти по такой улице — все равно что идти между двух высоких заборов: пока не доберешься до какого-нибудь переулка, не свернешь. Жили здесь в основном лавочники, люди не самые бедные, но и не слишком богатые. Насколько мог припомнить Гривз, здесь никогда ничего особого не происходило.

Кроме стражников на улице никого не было. Люди сначала сбегались посмотреть на трупы, но, когда увидели, что тут не просто трупы, а какая-то дрянь, их всех словно ветром сдуло.

— Что говорят местные? — спросил Гривз.

— Никто ничего не видел, — ответил Хейли.

— Как всегда.

— Ну да.

— Может, кто-нибудь признал мертвецов?

— Да как их признать-то?

— Ну, по одежде... — сержант потер переносицу. — Может, кто-то пропал с ночи?

— Нет, никто не пропал. Местные все по домам спали. Это какие-то чужаки.

— А вдруг это и не люди вовсе? — предположил Люк Фабер.

— А кто? Орки? — спросил Гривз.

— Это не орки, — сказал Хейли. — Орки от людей не шибко отличаются. Только клыки, разве что, и уши острые. Ну и сложением орки покрепче будут, среди людей таких здоровенных мало.

Хейли было уже за пятьдесят, он, в отличие от Гривза, поездил по Мирациновым Землям и повидал разных диковинок. Но чтобы он разговорился, ему надо было поставить хотя бы пару кружек, а лучше три.

— У этих, похоже, и вовсе нет никаких ушей, — сказал Люк.

А он похрабрее меня будет, признался себе Гривз. Сам бы я уж давно отошел подальше, а этот ничего — стоит, глазееет.

— А вдруг это демоны? — Гривз понимал насколько глупо это звучит, но других версий у него не осталось.

— Тогда у них были бы крылья, — сказал Люк.

— Откуда ты знаешь? Ты их видел что ли?

— Фреска, где Тиал Светозарный убивает демона, — напомнил Люк. — У демона там крылья, типа как у летучей мыши.

— Чего ж он тогда не улетел, раз у него были крылья, — пробормотал сержант.

— Наверно это все-таки люди, — продолжил Люк. — Просто кто-то по ним шарахнул темной магией.

Это было похоже на правду. Если бы не их жуткие рожи, во всем остальном это были люди как люди.

У того, который лежал поближе, были отличные сапоги из мягкой кожи и туника, сшитая из тонкой шерсти серого цвета. На поясе поблескивала овальная серебряная пряжка. Иногда попадаются такие богачи. На первый взгляд одежда вроде на нем неприметная, а приглядишься — и понимаешь, что тебе таких денег и за полгода не заработать. Второй, насколько мог видеть Гривз, был одет победнее, но тоже прилично.

Никаких ран, крови не видно, одежда целая. Тела лежат так, словно умерли они мгновенно, как будто вот только что они стояли, а потом хлоп — и упали на том же самом месте.

— Лучше бы им кишки выпустили, ей-богу! И то зрелище было бы поприятнее, — пробурчал сержант.

— Тогда грязи было бы больше, — заметил Хейли.

— Думаешь, их заколдовали?

— Я думаю, нам надо держаться от этого подальше, — Хейли плотно сжал губы, но затем, немного поколебавшись, добавил: — Я однажды видел мужика, которого убили темным колдовством.

— Да? — удивился Гривз. — Давно?

— Лет восемь назад. Еще до того, как я сюда перебрался.

— И как он выглядел? Похоже на этих?

— Нет, — твердо сказал Хейли. — Он был тощий и иссохший. Умирал несколько недель. Вроде бы порчу на него навели.

Уоррен Гривз до сегодняшнего утра так близко с темной магией не сталкивался. Но рано или поздно это должно было произойти. В былые годы он вообще никакой магии не видел, ни темной, ни светлой. Только слышал о ней краем уха. Но в последнее время это происходит все чаще.

Вот, к примеру, не далее как прошлой осенью двое студентов повздорили по пьяни и начали швыряться друг в друга огнем. Дело было в пабе «Волшебный Погребок», хорошо,

что сопляки хотя бы соизволили выйти во двор, чтобы уладить свои разногласия. Пришлось потом тушить коновязь и угол соседнего дома, но от большого пожара боги уберегли. Гривз и Хейли тогда были неподалеку, мальчишка из «Погребка» чуть в них не врезался, когда рванул за стражей.

Сержант снова, очень ярко, вспомнил чувство своей полной беспомощности. Они с Хейли не решались подойти ближе и ничего, совершенно ничего не могли сделать, кроме как орать: «Стойте! Именем короля, стоять!». Два недоумка, пригибаясь и уворачиваясь, носились по двору и кидались огненными шарами, словно играли в снежки. К счастью, до университета было рукой подать. Вскоре прибежали какие-то типы в мантиях и быстро уняли дебоширов, вроде бы тогда даже никто особо не пострадал. Гривз был уверен, что после этого случая хозяин «Погребка» свернет бизнес, но нет, похоже, студенты приносили ему слишком хороший доход.

— Помнишь тех щенков с огненной магией? — спросил Гривз напарника. — Тогда ведь и без нас прекрасно справились.

— Может и справились, — ответил Хейли. — Но разговоров много было.

На следующий день их вызвали в Ривервуд, в Королевскую Инквизицию, чтобы допросить в качестве свидетелей. Инквизиторы занимали отдельную башню, соединенную галереей с главным зданием университета. До того случая сержанту не доводилось бывать в этом рассаднике магии, городской страже там делать нечего. Но ему, надо признать, было немного любопытно, как они там все устроили.

Университет в Эдергейме вырос, можно сказать, у Гривза на глазах. Когда он был мальчишкой, сам Эдергейм, столица Мирациновых Земель, был раза в два меньше, чем сейчас. Он располагался на огромном острове между рукавами реки Вирны. С годами город рос и переползал на соседние острова, поменьше.

Одним из таких островов был Ривервуд. Почему именно его выбрали под строительство магического университета, Гривз так и не понял. Он был полностью покрыт густыми зарослями деревьев, а вырубать эту чащу пришлось почти подчистую. Почти, потому что некоторые деревья строители сохранили, и они до сих пор росли на университетском дворе. Люди говорили, что эти деревья волшебные, но Гривз видел их своими глазами, и ничего особенного в них не заметил. Остров Ривервуд дал свое название университету. Когда строительство только началось, горожане были уверены, что так будет называться новый замок. Но в итоге Ривервуд оказался не замком и даже не крепостью. Скорее, он был похож на монастырь, если бывают монастыри с такими вольными нравами.

Когда Гривз и Хейли прошли по мосту через протоку, никакой охраны они не встретили. За мостом вместо нормальных ворот была открытая арка — заходи не хочу. И только у дверей центрального здания, похожего то ли на храм, то ли на небольшой замок, их спросили, кто они такие и чего им нужно.

Тогдашнему лорду-инквизитору, Редду Арлиндону, было уже за восемьдесят, и он оказался неожиданно добродушным старичком. Он выслушал рапорт Гривза, сокрушенно покивал головой и заверил, что нарушители будут строго наказаны. Гривз настолько приободрился от такого отношения, что рискнул высказать свои соображения по поводу охраны университета. Пусть люди изучают магию, если это так необходимо, сказал он, но почему бы им при этом не оставаться в пределах Ривервуда? Остальным горожанам жилось бы гораздо спокойнее, если бы студентов не выпускали в город. Да и самим студентам некоторые ограничения пошли бы на пользу.

«Увы, сержант, это не мне решать, — со вздохом сказал лорд-инквизитор. — Я сам маг, и прекрасно понимаю, как нам необходима строжайшая дисциплина. Но большинство моих коллег уверены, что для постижения этого искусства гораздо важнее свобода. Именно поэтому самые сознательные из нас создали Инквизицию, дабы поддерживать в этом городе хоть какой-то порядок. И нам очень повезло, что его величество одобрил наш проект».

Против этого сержанту было нечего возразить. Какой-то порядок они действительно поддерживали. Колдунов на Фолкмидской площади сжигали не слишком часто, но регулярно.

Лорд Арлиндон умер нынешней зимой и его место занял Ирвин Уинбрейт. Говорят, он завел какие-то новые порядки. Но какие бы порядки ни были, кому как не Инквизиции заниматься неизвестными трупами, которые умерли от неизвестных причин.

— Это черная магия, — веско сказал Люк. — Я раньше ничего подобного не видел, но я прям чую.

— То есть как, чуеть? — встревожился Гривз. — От них еще и воняет?

Люк снова наклонился над трупом и повел носом.

— Нет, вроде не воняет. Но я не в этом смысле. Я сердцем чую.

— Точнее задницей, — с раздражением ответил сержант.

В сущности, почти сразу было понятно, что без инквизиторов тут никак нельзя обойтись. Но он все-таки колебался. Киен Сантемар, капитан городской стражи, всегда очень неохотно передавал дела этим ребятам, а сержанту не хотелось лишний раз вызывать недовольство начальства.

«Все эти ведьмы и колдуны — обычные люди из мяса и костей, — говорил Сантемар. — От хорошего удара мечом никакая магия не спасет. Какие бы мудреные заклинания ты не бормотал, их еще надо успеть произнести. Если бормотун нарушает закон, значит он такой же преступник, как и разбойник с дубинкой. Некоторые скажут, что маги-преступники гораздо хитрее лесных разбойников и могут искусно замести следы. А я скажу вам: любой преступник — дурак. Любой преступник думает как кошка, нагавившая в доме под лавкой. Ведь как рассуждает кошка? Во-первых, думает она, никто не догадается, что это я. А во-вторых, я тут сейчас быстренько все закопаю, и никто ничего не найдет. Но рано или поздно хозяин возьмет эту кошку за шкуру. Также и Закон возьмет за шкуру преступника, будь он хоть трижды треклятым магом».

Сержант Гривз хотел бы разделять эту уверенность, но он служил в городской страже в два раза дольше капитана и знал, каково оно бывает на самом деле. Правда, своими сомнениями он ни с кем не делился, даже с Хейли. Сантемар — очень уважаемый человек, настоящий герой. Но не слишком родовитый. Говорят, высокие лорды до сих пор считают его выскочкой. Во всяком случае, лорд Уинбрейт точно считает. И это дает Сантемару дополнительный повод недолюбливать Инквизицию.

Но нужно, наконец, уже что-то делать. Уоррен Гривз удрученно вздохнул и повел плечами. Капитан заставлял их носить кирасу поверх кольчуги, и порой это было чересчур тяжело. Смотреть на трупы не хотелось, и Гривз уставился на стену ближайшего дома. Штукатурка совсем растрескалась, хозяину не мешало бы ее обновить. Зеленая ветка плюща поднималась до второго этажа, почти повторяя форму трещины, тянувшейся к окну от самой мостовой.

— Что делать будем, парни? — тоскливо спросил Гривз.

— Ты сержант, тебе решать, — ответил Хейли.

Гривз перевел взгляд на красные черепичные крыши. Однажды, много лет назад, по точно таким же крышам убегал от него знаменитый вор по имени Гарри Ласка, ловкий и юркий как черт. Но и сам Гривз тогда был не промах. Прыгал по крышам ничуть не хуже и почти догнал паршивца. Тогда они даже кольчугу не носили, не то что латы, все гоняли в кожаных куртках. *Эх, были времена...*

Сержант был не из тех, кто лезет на рожон, но к службе всегда относился добросовестно. Лежали б тут обычные трупы, он бы уже развернул кипучую деятельность по всей улице. Но тут... Хейли прав, от этой чертовщины надо держаться подальше.

— Как дела у Флойда, слышали что-нибудь? — спросил Гривз.

— Отлично у него дела, не жалуется, — отозвался Люк.

— Не жалеет, что ушел?

— Даже если б и жалел, нам бы он не рассказал.

Флойд Эверли, молодой и очень перспективный парень, до недавних пор служил в городской страже, но несколько месяцев назад подался в инквизиторы. Сантемар с тех пор постоянно бухтел, что Уинбрейт переманивает его людей, хотя кроме Флойда других таких случаев не было.

— Может попросим его глянуть на этих уродцев? Не как инквизитора, а так... в частном порядке?

— Если тут колдовство, ему все равно придется своему начальству доложить, — сказал Люк. — А это именно колдовство, не иначе.

— Ты-то откуда знаешь? — разозлился Гривз. — Тоже мне, нашелся умник. Может это болезнь какая?

— Был однажды случай в Локсфорде, лет пятнадцать назад, — вдруг сказал Хейли и замолчал.

Сержант знал, что торопить его не следует, поэтому также молча смотрел на него. Если уж Хейли начал говорить, то доскажет до конца.

— Нашли люди мертвяка. Лежал вот точно так же на улице. С виду вроде целый и не старый еще. Собралось вокруг него пять человек. Чесали в затылках, никак не могли понять от чего он умер. Судили да рядили... А потом мертвец поднялся.

Гривз похолодел. Люк наконец-то попятился от трупа.

— Он убил двоих. Трое успели убежать. У одного из мужиков при себе был топор, он пытался отмахиваться. Отрубил мертвецу руку. Но тот все равно его загрыз.

Хейли замолчал.

— Как... — Гривз откашлялся. — Как тот мертвяк выглядел? Морда страшная была?

— Мне о морде не рассказывали, — Хейли пожевал губу. — Но думается мне, если б была морда, те парни бы поостереглись.

На улице стояла тишина. Только где-то наверху скрипнула ставня.

Гривз был уверен, что Хейли не выдумывает. Его истории, которые поначалу выглядели просто байками, всегда оказывались правдой.

— А что было дальше? — спросил Люк. — Как справились с мертвецом?

— Никак не справились. Он поглотал немного тела, а потом убрел в поля. Дураков не нашлось его останавливать. Потом, через несколько дней, его разыскал какой-то маг и сжег к чертям собачьим.

С крыш сползали остатки тумана. Бледное солнце едва пробивалось сквозь утреннюю дымку. Гривзу показалось, что на этом светлом пятне появилось хмурое лицо капитана Сантемара.

Да пропади ты пропадом, ругнулся он про себя. Служба мне, конечно, дорога, но жизнь дороже. Не буду я подставлять ни себя, ни ребят. Пусть уж лучшие мудрилы разбираются во всем этом магическом дерьме.

Сержант Гривз поднял голову и сказал:

— Ладно, зовите инквизиторов. Хоть Флойда, хоть кого другого. А нам тут делать нечего.

Глава 2

Ривервуд, Башня Инквизиторов

Сидя напротив лорда Уинбрейта, Алан понял, что никогда в жизни не чувствовал себя так неуютно. Он осознал, что нервно теребит пояс, и неимоверным усилием заставил себя положить руки на стол.

Стол поражал не только своими размерами, но и внешним видом. Алан никак не мог понять из какого дерева он сделан. Рисунок на поверхности шёл волнами, как иногда бывает у старых ясеней, но линии были слишком короткими и разбегались в разные стороны. Такое он видел лишь однажды, на надгробной плите короля Фальтира, но там был камень, мрамор, а тут — древесина. Может быть, дядя Мейнард смог бы определить, что это такое, он всю жизнь работал с деревом. А может, даже он не смог бы. Наверняка дерево какое-то заморское, и стоит бешеных денег.

Этот стол занимал центр кабинета, небольшого, но богато обставленного. Вдоль стен выстроились три шкафа, набитые книгами. Один, широкий и громоздкий, полностью закрывал простенок между окнами, стрельчатыми, словно в церкви, а два других стояли ближе к двери. Раньше Алан не видел столько книг, собранных в одном месте. Напротив стола возвышался громадный камин. Он не был зажжен, но зато на его полке стоял целый ряд свечей в медных подсвечниках, и вот они горели все до единой. Жечь свечи среди бела дня — ну точно как в церкви!

Лорд сидел с другой стороны своего роскошного стола, смотрел на него и молчал. В памяти Алана вдруг всплыл один давний случай. Ему тогда было лет девять, он зашел к соседям за какой-то надобностью, но их не оказалось дома. А когда он развернулся уходить, то обнаружил, что выход со двора ему преграждает соседский пес. Здоровенная поджарая зверюга, которой, вообще-то, положено было сидеть на цепи. Когда Алан заходил во двор, пес никак не проявил своего присутствия, ни видом, ни звуком. И вот теперь молча стоял перед ним, загораживая открытую калитку. Он даже не скалился. Только смотрел Алану прямо в глаза, не мигая и не шевелясь.

Но даже взгляд того пса не был настолько пристальным и тяжелым, как у лорда Ирвина Уинбрейта. Ему, вроде бы, нет еще сорока, припомнил Алан. Кажется, учитель говорил, что лорду Ирвину тридцать восемь. Столько же, сколько дяде Мейнарду. Но выглядел он гораздо моложе дяди. В темных волосах не было ни единой седой нити. Лицо гладко выбрито, а глаза ярко-зеленые, как трава.

Алан знал, что лорд Ирвин принадлежит к очень знатному роду. Его кузен — герцог Глайморский, а его дядя женат на принцессе Кейре. И значит другой кузен лорда Ирвина, Эван Уинбрейт, приходится внуком самому королю Конраду Тиалану. От осознания того, насколько важный лорд сидит перед ним, просто голова шла кругом. Когда Уинбрейт наконец заговорил, Алан чуть не подпрыгнул.

— Значит, ты хочешь стать инквизитором?

«Ни в коем случае не лги, — говорил учитель Алану перед самым отъездом. — Во-первых, лгать ты не умеешь. Во-вторых, ложь негодна богам. А в-третьих, тебе это никак не поможет. На все вопросы отвечай прямо и честно, но без лишней болтовни».

— Не то, чтобы я хотел, милорд, — осторожно ответил Алан. — Но мне сказали, что магом мне не бывать.

— Да. Магические способности у тебя ниже среднего. И ты полагаешь, инквизитору они не нужны?

Лорд Ирвин по-прежнему не сводил с него взгляда. Это было настолько невыносимо, что Алан снова начал разглядывать стол.

— Не знаю, милорд. Мне сказали, для этой работы не особо нужны.

— А что еще ты знаешь об «этой работе»?

— Говорят, за нее неплохо платят.

Уинбрейт усмехнулся.

— Ну, это как посмотреть.

Он опустил взгляд на письмо учителя, и Алан слегка перевел дух.

— Мэтр Энбальд пишет, что тебе девятнадцать.

— Да, милорд.

— Чем зарабатываешь на жизнь?

— Я подмастерье у моего дяди, он плотник.

«Чем зарабатываешь», хорошенький вопрос. Дядя Мейнард выдавал ему по несколько монет восемь раз в год, по праздникам, но этих денег едва хватало на пару недель. Еще дядя давал ему еду, одежду и крышу над головой. Иногда что-то подкидывала бабушка, но просить у бабушки было стыдно.

— А твой отец чем занимался?

— Он был лучником в отряде сэра Альбина Колла. Но он погиб еще до того, как я родился.

Уинбрейт оторвался от письма и взглянул на него, слегка прищурившись. Подобные взгляды были Алану хорошо знакомы. Так на него смотрели, когда он говорил, что не помнит своего отца. Но один только Питер Дигби был достаточно глуп, чтобы вслух сказать, что Алан, должно быть, незаконнорожденный. Пришлось ему тогда хорошенько двинуть в зубы. Алан не любил драться, но ему нередко приходилось это делать, особенно в детстве. Если у тебя нет ни отца, ни братьев, а только мелкий сопливый кузен, тебя постоянно будут проверять на прочность.

Свою мать он тоже едва помнил, она умерла, когда ему было четыре. Алан знал, что она вышла замуж за его отца, когда работала прислугой в Санбридже, и никто из соседей не был на ее свадьбе. После истории с Питером он собрался с духом и спросил у бабушки, а точно ли его родители были женаты?

«Не волнуйся, малыш, — сказала бабушка. — Никто из соседей на свадьбе не был, но мы-то с твоим дедом ездили тогда в Санбридж и выдали Мейбл замуж по всем правилам. Ты разве забыл, что у тебя фамилия отличается от нашей? Не Лоуфилд, а Корбрей. Хьюго Корбрей, так звали твоего отца. Правда, — тут бабушка хмыкнула, — Мейбл уж как-то больно торопилась со свадьбой. Я тогда подумала, что она чего-то недоговаривает. Ну, ты родился через семь месяцев, крепкий и здоровенький, а значит боги этот союз благословили».

— И в чем, по-твоему, заключается работа инквизитора? — лорд Ирвин отложил письмо и снова уставился на него своими зелеными глазами.

— Инквизиторы ловят и наказывают тех, кто занимается темной магией.

— Хм. А почему они это делают?

— Потому что темная магия запрещена.

Алан сразу же понял, что сказал что-то не то. Уинбрейт вдруг оживился.

— Вот здесь ты ошибаешься. Запрещены лишь отдельные направления темной магии. Некромантия, к примеру. Но сама по себе тьма не опаснее любой другой стихии. Магия — всего лишь инструмент. Вопрос всегда в том, кто им пользуется.

Он говорил мягко, но у Алана почему-то вспотели ладони.

— Инквизиция преследует не «темных магов», а тех, чья работа ставит под угрозу человеческую жизнь. И вид заклинаний здесь совершенно неважен. Солнечной магией можно изжарить человека ничуть не хуже чем огненной. Или, скажем, запросто можно кого-то убить

магией воздуха. Достаточно поднять жертву на воздушных потоках и позволить ей упасть. Люди — существа хрупкие. Это понятно?

— Да, милорд.

Куда ты лезешь, дурак! Алан изо всех сил старался подавить нарастающую панику. Еще не поздно вернуться домой и забыть обо всем этом. Дядя Мейнард говорит, со временем из него может получиться неплохой плотник. Или даже столяр. Во всяком случае, на кусок хлеба он бы смог себе заработать. Но Энбальд сказал, хороших столяров в мире много, а вот таких людей как Алан — очень мало. Людей, которым доступно тонкое чутье.

Энбальд появился в их краях лет пять назад, чтобы заменить старого учителя Клайва Гарнетта. Алан тогда был уже слишком взрослым для школы, поэтому первые пару лет почти его и не встречал. Но все изменилось в тот день, когда дядя Мейнард отправил его к Энбальду, подновить деревянный забор. После того как Алан закончил работу, учитель пригласил его в дом выпить чая. И вот тогда Алан, едва переступив порог, застыл на месте.

Старый Гарнетт учил детей читать, писать и считать, а также описывал славные деяния короля Конрада Победоносного. Энбальд добавил к этим урокам рассказы о растениях. В первую очередь о тех, которые можно выращивать на огороде, в саду и на полях. А во вторую — о тех, которые растут в лесу или на лугу сами по себе. Когда у Энбальда не было уроков, он возился в школьном саду или бродил по окрестностям, увешанный холщовыми сумками. И, как выяснил в тот день Алан, растения полностью заполонили коттедж, на первом этаже которого была школа, а на втором — комнаты Энбальда.

Замерев в дверях, Алан уставился на большую деревянную кадку, стоявшую в углу комнаты, рядом с окном. В ее центре возвышались высокие стебли странного растения. С виду оно было вполне обычным, хотя и красивым: узкие ярко-зеленые листья и голубые цветы, собранные в кисти. Но это растение вызвало знакомую дрожь, ту самую, которую Алан безуспешно пытался описать некоторым родственникам и друзьям. Это было как если бы кто-то поблизости ударил в колокол: гул, который звучит снаружи и проникает внутрь тебя, так что даже зубы начинают мелко-мелко стучать.

— Ты что-то видишь? — спросил тогда Энбальд. Он выглядел сильно удивленным.

Алан втянул в легкие воздух и выдохнул:

— Я не вижу, я...

— Чувствуешь? Что ты чувствуешь? Что-то слышишь?

— Вроде слышу... И еще дрожь... такая мелкая, — Алан тряхнул головой. Эти ощущения, даже очень сильные поначалу, через несколько мгновений всегда стихали, хотя и не совсем.

— Значит, ты можешь и увидеть. Приглядишься повнимательнее.

Алан пригляделся.

— Нет. Ничего не вижу.

— Хм. Разве что вот так попробовать... — Энбальд поднял с лавки какую-то темную тряпку и развернул ее. Тряпка оказалась длинным плащом с забрызганным грязью подолом. Учитель встал позади кадки и растянул плащ руками. На фоне темно-коричневой шерсти цветы и листья словно бы стали ярче.

— Кажется, вижу... — неуверенно сказал Алан.

— Что именно?

— Цветы как будто светятся. Точнее... над ними как будто огоньки.

— Какого цвета эти огоньки? Голубые?

— Нет, вроде розовые. С голубым... Сиреневые?

Учитель опустил плащ и воззрился на Алана с большим интересом.

— Мэтр Энбальд, — сказал Алан. — Что это такое?

— Это магия, друг мой. Ты видишь магию.

В общем-то, именно этого ответа он и ожидал. И все же было огромным облегчением встретить человека, который подтвердил, что все это реально существует. Обычно эти странные ощущения он испытывал при виде некоторых растений. Еще однажды он то ли услышал, то ли почувствовал мягкий звон, поднимавшийся над поверхностью пруда. Только однажды. Во все остальные дни это был пруд как пруд. Но зато каждый раз, с самого раннего детства, когда ему доводилось бывать в Санбриджской церкви он неизменно зачарованно смотрел на золотую Звезду Лиутгера над алтарной аркой. Это вообще было одно из его самых ранних воспоминаний, кажется, сразу после смерти матери. Он тогда смотрел на Звезду так долго, что священник подошел и погладил его по голове.

Также в Санбридже, уже будучи подростком, он увидел какого-то важного лорда в гостиничном дворе. Лорд стоял возле своей лошади, собираясь уезжать, и разговаривал с хозяином гостиницы. А на поясе у него висел меч, который звенел точно также как цветы Энбальда.

Хуже всего было то, что остальные люди ничего этого не чувствовали. Он пытался рассказать бабушке, но она отмахнулась, мол, дети вечно все выдумывают. И это было несправедливо — другие дети тоже решили, будто он врет. После случая с мечом Алан попробовал рассказать об этом дяде Мейнарду. Он подошел к дяде, когда тот был в особенно благодушном настроении, и выложил все свои истории, начиная с самых ранних. Дядя выслушал его не перебивая. Он сидел на скамье возле теплой, нагретой за день стены дома, шурился на заходящее солнце и прихлебывал мед из большой глиняной кружки.

— Не то, чтобы я тебе не верил, парень, — сказал он наконец. — Но лучше бы тебе поменьше обращать внимание на вещи, которые другие люди не замечают. Вот по соседству как-то был случай. У одной доброй женщины утонула в колодце маленькая дочь. Убивалась она по ней сильно. Это-то дело понятное и обычное. Но потом, через месяц где-то, она начала слышать, будто дочка ее зовет. Никто кроме нее ничего не слышал, ни муж ее, ни другие дети, ни соседи. Люди говорили ей, что такого быть не может, что ее девочка умерла и похоронили ее надежно, как положено. А она им отвечала, будто слышит голос дочки так же ясно, как голоса тех самых людей, которые ее пытались разубедить. В конце концов эта женщина совершенно обезумела, и никакого сладу с ней не было. Ровно через год после смерти дочери она утопилась в реке.

После этого разговора Алана грызли сомнения, не сумасшедший ли он. Но Энбальд их развеял. Он сказал, что боги наделили его особым даром, и с большой щедростью. Сам Энбальд тоже мог чутать магию, но гораздо хуже Алана и только после долгих лет практики. Зато он мог творить магию свою собственную. Например, он лечил порезы и даже глубокие раны, которые затягивались через несколько часов, даже шрама не оставалось. Не говоря уж о том, что под его руками даже самое чахлое растение расцветало, как будто его благословила сама богиня Элестра. Алан хотел научиться творить такие же чары, но учитель сказал, что это разные таланты.

— Итак, — сказал лорд Уинбрейт. — Сам колдовать ты не можешь, но зато прекрасно чуешь магические следы. Так ведь?

— Да, милорд.

— И давно это у тебя?

— С самого детства, милорд. Сколько себя помню. Но, по правде говоря, в наших краях я не особо часто сталкивался с магией.

— Ну еще бы. Как, ты говорил, называется твоя деревня?

— Хопсвилл, милорд.

— Хопсвилл. Пиво варите?

— Мед.

— Мед?

— Медовое вино.

— Мед... Надо же, какое совпадение... Хорошо. Скажи мне, где в этой комнате присутствует магия?

Ну, это не так уж сложно. Когда Алан только зашел в комнату, он ошалел от нахлынувших на него разнообразных чувств, но он и ожидал чего-то подобного, поэтому смог быстро освоиться. Точнее, освоился бы, если б не сверлящий взгляд лорда-инквизитора.

— В этой комнате? На каждом окне, — ответил Алан.

— Ну, это очевидно. Где еще?

— В книжном шкафу за вашей спиной, милорд.

— Та-ак. А еще?

— Шкатулка на столе возле окна.

— Ага.

— И... — Алан поколебался. — Перстень на вашей левой руке.

Похоже, лорд Ирвин удивился. Он не вытаращил глаза, как простой человек, но, по крайней мере, приподнял брови.

— Ты уверен, что это именно перстень?

— Да, милорд.

Огромный зеленый камень в золотой оправе. Наверно изумруд. В сказках, когда речь идет о сокровищах, зеленые камни называются изумрудами. Похожий камень был в золотой штучковине, которая висела на цепи на шее лорда Ирвина. Сначала Алану показалось, что именно от этой штучковины исходит бледное, едва заметное сияние, трепещущее как огонек свечи. Но когда он пригляделся, понял, что это все-таки перстень.

— Хм. Неплохо. Ладно, давай попробуем с тобой поработать, — Уинбрейт поднялся из-за стола и слегка потянулся.

Алан торопливо подскочил, едва не опрокинув стул. *Это что — все? Меня взяли?*

— Пойдем, представлю тебя будущим коллегам. Они расскажут, как у нас все устроено. Первым делом тебе надо бы обновить гардероб. Когда представляешь Инквизицию, ты должен выглядеть прилично. Есть у нас один портной, шьет одежду для инквизиторов почти десять лет. Если ты стеснен в средствах, он может подождать с оплатой.

Алан нервно одернул подол своей самой лучшей туники. Она немного жала подмышками, но была почти новой.

— Но это завтра, — продолжил Уинбрейт. — А сегодня можешь прямо сразу включиться в работу. Тебе повезло. Сегодня с утра пораньше городская стража подкинула нам задачку. Два трупа, изувеченные темной магией.

Желудок Алана словно превратился в камень. *Что? Вот так? Прямо сейчас?!* Он открыл рот, но не смог выдать ни звука.

— Двойное убийство на Медовой улице, — Уинбрейт улыбнулся. Зубы у него были белые и, похоже, в полной сохранности. Не то что у дяди Мейнарда.

Глава 3

Эдергейм, Медовая улица

— Не понимаю, почему это случилось именно здесь. Медовая улица — спокойное, тихое место, — Барретт Грин удрученно вздохнул. — Тут живут только пекари и кондитеры, все люди очень добропорядочные. И по ночам всегда было тихо. Я даже не могу припомнить, когда тут последний раз кого-то грабили. Конечно, то, что здесь поблизости кордегардия тоже имеет значение... Никогда бы не подумал, что такое возможно...

Грин шел первым в списке свидетелей, которых нужно было опросить. Именно он обнаружил трупы и позвал городскую стражу. И, надо сказать, он оказался вполне словоохотливым, наверно под влиянием пережитого потрясения. Когда Флойд Эверли зашел в дом, Грин раскатывал тесто, но с готовностью бросил работу. Это был высокий и крепкий мужчина, не слишком похожий на привычный образ пекаря. Он тщательно вытер руки о фартук, и Флойд подумал, что таким рукам больше бы подошел топор, нежели скалка.

— Вы всегда просыпаетесь так рано? — спросил Флойд.

— Да, всегда. Я поднимаюсь еще до рассвета и сразу же проверяю тесто. Те, кто рано завтракают, покупают свежую выпечку именно у меня. А сегодня я увидел, что у меня почти закончилась корица. Подумал, может быть Стэктоны уже проснулись, и можно одолжить немного корицы у них. Хотел послать к ним моего старшего, но потом решил, что проще будет самому сходить, чем его растолкать. Идти тут недалеко, всего через два дома. Было еще темно, но у нас на улице горят фонари. Поэтому я почти сразу их увидел. Но не сразу сообразил, что это там валяется.

— А когда сообразили, что вы сделали?

— По правде говоря, первым делом рванул к своему дому, дверь за собой захлопнул и запер на засов. Почему-то мне казалось, что убийцы все еще на улице. Ну, потом отдышался, прислушался. Вроде все тихо. И решил, что надо сбегать за стражей. Прежде чем из дома выйти разбудил жену. И, наверно, зря я это сделал. Она, как только за дверь выглянула, как только присмотрелась, начала так вопить, что теперь уже и всю улицу разбудила.

— Вы подходили к трупам?

— Нет, близко не подходил. Они как-то так лежали, сразу видно было — мертвые. И хвала богам, что не подошел. Если их убили темной магией, кто знает, чего я там мог подцепить...

Больше ничего важного пекарь не добавил, и Флойд, поблагодарив его, отправился к Стэктонам. Сержант Гривз говорил, будто жители ближайших домов ничего не слышали. Но Флойд сам когда-то был стражником и знал, что так не бывает. Эдергейм — большой город. Десятки тысяч глаз, десятки тысяч ушей. Кто-то видел, кто-то слышал.

Флойд остановился на минуту и оглядел улицу цепким взглядом. Затем вздохнул и зашагал дальше, чувствуя на себе взгляды из окон. По старой привычке он носил на поясе меч, а теперь еще и одет был во все черное, как подобает инквизитору. Даже с учетом того, что случилось, его мрачная фигура была здесь совсем не к месту. Медовая оправдывала свое название. После того как увезли тела она приняла свой обычный вид: уютная, мирная улица, вымощенная булыжником, с небольшими ухоженными домами. Приятный сладкий аромат витал в воздухе, смешиваясь с запахом свежеевыпеченного хлеба и пирогов. Вот только людей на улице было совсем мало. Обычно в это время дня здесь уже толклись покупатели и разносчики, но, похоже, слух о происшествии уже облетел весь город.

Стэктоны оказались молодой и симпатичной парой. Они сидели рядышком на скамейке у прилавка и почему-то были очень похожи друг на друга, несмотря на то, что у Роджера Стэк-

тона были темные волосы и борода, а у его жены — нежно-розовое лицо и волосы настолько светлые, что казались почти белыми. Фелиция Стэктон прилежно отвечала на все вопросы, которые задавал ей Флойд. Похоже, она искренне старалась ничего не упустить:

— Мы и правда уже встали в это время. Я начала подметать в лавке и услышала, как Энни закричала.

— Во сколько это было?

— Точно не скажу, но уже рассвело.

— Я надеюсь, вы быстро найдете того, кто это сделал, — сказал Роджер Стэктон. — Здесь всегда было так спокойно. И тут вдруг такое...

Кажется, они и впрямь напуганы, подумал Флойд. По его опыту службы в городской страже, свидетели преступления не слишком часто стремились помочь представителям закона. Обычно показания приходилось вытягивать клещами. Не в буквальном смысле, конечно, пытки свидетелей давным-давно запрещены. Но горожане гораздо меньше волновались по поводу обычных преступлений. Подумаешь, поножовщина в кабаке, ерунда какая. Здесь же случилось что-то непонятное и страшное, и люди поневоле искали защиты хоть у кого-то, кто сможет в этом разобраться.

Следующий свидетель подтвердил эти предположения. Уэйд Митчелл жил в доме напротив Стэктонов. Когда Флойд подошел к нему, он чинил ставню на первом этаже.

— Мы теперь боимся выпускать детей на улицу, — сказал Митчелл, худощавый мужчина средних лет с красноватым лицом и большими голубыми глазами.

— Не думаю, что им грозит опасность, — ответил Флойд. — По крайней мере, не днем.

— Да, но дело идет к вечеру. И у нас у всех уже поджилки трясутся.

— Для патрулирования этой улицы количество стражников удвоили.

Митчелл вздохнул:

— Никакой стражник не защитит тебя от темной магии.

По правде говоря, до вечера было еще далеко. Солнце заливало улицу теплым золотистым сиянием. Было очень тихо, только где-то под крышей чирикали воробьи.

— Вы ничего не слышали ночью? — спросил Флойд.

— Не только не слышал, но и не видел.

— Не видели?

— Я просыпался под утро. И выглядывал в окно. Не знаю зачем, может, предчувствие какое толкнуло. Но улица была пустая, это я хорошо видел. Фонари горели, и луна светила, такая яркая, недавно ж полнолуние было.

— Сколько было времени?

— Не знаю. Но думаю, уже после того, как прошел патруль. Если б я задержался у окна, может и увидел бы чего.

В этот момент из дверей вышла высокая брюнетка с блестящими серыми глазами.

— Это моя жена, Белинда, — представил ее Митчелл.

— Вы что-нибудь слышали ночью, мэм? — спросил Флойд.

Она покачала головой.

— Нет, я спала как младенец.

Флойд кивнул и снова повернулся к Митчеллу:

— А на окна соседей вы не обратили внимание? Может быть, у кого-то горел свет?

— Вроде бы у Бардоков был свет, но я не уверен. Если и был, то не яркий. Как от свечи, а не от лампы.

В доме Бардоков оказалась только миловидная темноволосая девушка лет семнадцати, по имени Сибил. Она пригласила Флойда на второй этаж, в комнату, которая служила гостиной. Почти в каждом доме на Медовой улице первый этаж занимала лавка, поэтому гостей прини-

мали на втором. Сибил усадила его в деревянное кресло, расположилась напротив, и начала так тараторить, словно только его и ждала с самого утра.

— Это так ужасно! Я просто сама не своя. А вы правда инквизитор?

— Правда, — сказал Флойд.

— Дело в том, что этой ночью я была одна в доме. Мы живем вдвоем с отцом, но вчера он уехал в Уэстмилл за мукой. Я знала, что он там заночует, отец с тамошним мельником старые приятели. Они вместе воевали под началом лорда Силвервейна. Но сейчас он уже должен вернуться. Жду его с минуты на минуту. А еще Фултоны сегодня вернулись. Их тоже дома не было, они всей семьей уезжали на похороны. Вы их уже допрашивали?

— Еще нет. А в каком доме они живут?

— О, они живут сразу в трех домах. Дом старого Фултона рядом со Стэктонами. Он не слишком большой, поэтому, когда семья Фултона разрослась, он купил дом напротив. А потом получил разрешение в ратуше, построил между ними арку и над ней — еще один дом.

Флойд еще раньше обратил внимание на дом над аркой, которая перегораживала улицу. Для Эдергейма такие дома не редкость. Земля здесь стоит дорого, поэтому, даже если вычесть стоимость взятки для какого-нибудь помощника бургомистра, на таком жилье можно сэкономить.

— Значит, эта семья довольно зажиточная?

— О, да! Они самые богатые из наших соседей. Но это неудивительно, у них самая вкусная выпечка. Другие уже даже и не пытаются с ними конкурировать. Кроме Белинды Митчелл, конечно. Ну и, пожалуй, Мэделин Блейк. Она тоже не сдается. Знаете, есть такие женщины, которые больше всего на свете любят готовить. Они словно богами предназначены жить на этой улице. А вот я... Мне гораздо больше нравится вышивать.

— А чем вы занимались прошедшей ночью?

От такого неуклюжего вопроса Сибил немного зарделась.

— К счастью, я ничего не знала обо всех этих ужасах, поэтому просто спала. Правда, я немного засиделась с книгой и легла достаточно поздно. Отец запрещает мне читать по ночам, и я не могла упустить такую возможность.

Ах, вот оно в чем дело. До этого Флойд никак не мог понять, почему дочь лавочника выражается так затейливо. Оказывается, девушка просто читает книги. Флойд вспомнил, он как раз был в возрасте Сибил, когда изобрели арканографию. Тогда было много разговоров о том, что скоро книги появятся в каждом доме. Ну что ж, через десять лет эти разговоры стали реальностью. Только вряд ли Сибил читает жития святых или философские трактаты. Наверняка она предпочитает любовные романы.

— Вы можете точно вспомнить, когда именно пошли спать?

Сибил смущенно улыбнулась.

— Признаться, я спохватилась только когда услышала, как колокол пробил дважды. Книга была такой захватывающей, ну, знаете как это бывает...

Флойд не знал, но все равно понимающе покивал головой.

После разговора с Сибил он отправился напрямик к упомянутым Фултонам. Но ничего важного ему там не сообщили.

— Отец у меня умер, — сказал старый Фултон (который был не так уж и стар, по виду — не больше пятидесяти). Я родом из Лотембрука, там у нас принято, чтобы на похоронах была вся семья. Вот мы и поехали вместе с женой, с детьми и внуками.

— А кто присматривал за домом пока вас не было? У вас есть прислуга?

— За домами, — поправил Фултон. — Прислугу не держим, народу хватает, так что сами справляемся. Хотели оставить младшую невестку, но она уперлась, мол, одной ей ночью страшно будет. И поди ж ты, права оказалась! Мы как вернулись да новости узнали, так у нас волосы дыбом.

— Но наверно дома были надежно заперты?

— А как же! Конечно заперты. Ключи от лавки я Стэктому оставил, чтобы он разносчикам передал нашу выпечку. Мы три дня назад уехали, рано утром. Перед этим пирожков приготовили, черничных и малиново-миндальных. Так мы хоть немного выручки получили во время простоя.

— Вы настолько доверяете своему соседу?

— Конечно доверяю. Роджеру Стэктому если не доверять, то кому тогда вообще? Как только мы вернулись, он отдал мне ключи и деньги, да рассказал про эту жуть. Ему, бедолаге, вообще не повезло. Один из трупов валялся прямо под его окнами. Но что до наших домов и лавки — тут все было в полном порядке.

После этого разговора Флойд направился к дому вдовы по имени Мэделин Блейк. Она оказалась еще молодой женщиной с роскошными формами и большими карими глазами. Похоже, в обычное время Мэделин часто улыбалась, но сейчас она была печальна.

— Боюсь, я вам ничем не помогу. Я всю ночь спала, ничего не слышала. Даже когда на улице шум поднялся — не слышала. Окно моей спальни выходит на другую сторону.

— Как же вы узнали о том, что случилось?

— Дочка разбудила. Я вышла, а там уже полно стражи. Возле... ну, возле этих мужчин...

— она покачала головой. — Никогда у нас такого не было. Никогда. Всегда было безопасно, даже по ночам.

Да, действительно, Мэделин не особо помогла. Зато угостила чаем с пирожными. Флойд уже попробовал вафли у Стэктонов и малиново-миндальные пирожки у Фултонов, но и здесь не стал отказываться. Вдруг за чаем всплывет что-нибудь интересное?

Не всплыло. Все то же самое: никто ничего не видел, никто ничего не слышал, живем дружно, проблем никаких. Флойду оставалось только откланяться и пойти в соседний дом.

Хозяин следующего дома, Питер Марлоу, выглядел как типичный лавочник — пухлые щеки и лоб с залысинами. Почти полная копия Фултона, только лет на пятнадцать моложе. Он пригласил Флойда выйти посидеть в небольшом дворике позади дома. Еще одно подтверждение того, что на Медовой улице живут люди небедные. Флойд вырос в Дорсунде, самом поганом районе Эдергейма, для его жителей задний двор был неслыханной роскошью. Тем более такой двор: с аккуратными деревянными лавочками, подстриженной травой и красивыми яркими цветами. Еще неожиданно красивой оказалась жена Марлоу, Лилиан. Стройная блондинка с очень белой кожей и выразительными глазами цвета лесного ореха.

— Ночью вы что-нибудь слышали? — спросил Флойд.

— Я всегда сплю как убитый, — ответил Марлоу. — Даже если б на город напал дракон, я бы наверно не услышал.

— А вы? — обратился Флойд к Лилиан.

— Мне не так повезло как Питеру, — красавица взмахнула ресницами. — У нашего младшего режутся зубки, вчера он много капризничал и никак не мог уснуть. Когда он наконец успокоился, было уже сильно полночь. Но, по крайней мере, остаток ночи я проспала спокойно.

— А когда вы узнали новости?

— Когда соседи к нам постучали.

— Окна вашей спальни выходят во двор? — уточнил Флойд.

— Да, так и есть, — улыбнулась Лилиан.

Солнце уже садилось, и на Медовой улице зажигали фонари, когда Флойд вышел из дома Марлоу. Оставалось только допросить старика Кейдена, который несколько лет как ушел на покой, но продолжал здесь жить и улаживать цеховые разногласия. Впрочем, едва Флойд переступил порог, инициативу тут же перехватила Корнелия Кейден, на редкость бодрая старуха с пышными седыми волосами и пронзительным взглядом.

— Беда в том, что окно моей спальни выходит на другую сторону, — начала она. — Я сплю чутко, уж я бы ничего не пропустила. Помочь этим беднякам я б наверно не смогла, но, по крайней мере, преступника вы бы уже нашли. Каков негодяй, а? Устроить резню на нашей улице! Надеюсь, он будет гореть на костре.

— Это не к добру, — вставил старик Кейден. — Темные времена наступают, попомните мои слова.

— Прекрати, Артур, — Корнелия раздраженно нахмурилась. — Какие еще времена? Просто кто-то из этих умников решил, что ему все позволено.

Она воззрилась на Флойда ястребиными глазами.

— Это ведь кто-то из ваших, верно?

Флойд был не из пугливых, поэтому спокойно выдержал взгляд.

— Из наших, мэм? Кого вы имеете в виду?

— Это кто-то из ривервудских магов. Вы ведь из Ривервуда?

— Я из Королевской Инквизиции.

— А я о чем толкую? Инквизиторы сидят в Ривервуде, с тех самых пор как построили это осиное гнездо.

— Именно для того, чтобы держать магию под контролем.

— И это по-вашему под контролем? Вы не держите их под контролем, а просто прибираете за ними, когда они напакостят.

— Я же тебе говорил, это не местные, — встрял Артур Кейден. — В Ривервуде не изучают темную магию, она запрещена. Брент об этом говорил, ты что, не помнишь?

Это было не совсем так, но Флойд не стал уточнять.

— Если не местные, то кто тогда? — повернулась Корнелия к своему супругу.

— Откуда я знаю? Какой-то заезжий колдун. А может быть это вообще... — старик сделал паузу. — Вообще не человеческих рук дело.

Корнелия фыркнула.

— Не человеческих! Чего ты опять выдумываешь?

— Я не выдумываю, я говорю как есть. Раньше этой темной дряни не было, а вот теперь повылазило. И все почему? Потому что король наш уже слишком стар.

— Какая чушь! У тебя совсем память отсохла? Не далее как месяц назад колокола звонили по всему городу, потому что у короля родилась дочь. Значит не так уж он и стар.

— У меня-то с памятью все прекрасно, а вот ты кое-что подзабыла: не далее как два месяца назад колокола звонили, потому что королю Конраду исполнилось ровно сто лет.

— И что с того?

— А то, что не долго ему осталось. Вот умрет он — и грянут последние времена.

— У него в роду были эльфы. Так что нас с тобой он точно переживет.

— Не стоит обсуждать здоровье короля Конрада при посторонних, — вмешался Флойд. — Я-то понимаю, вы ничего плохого не имели в виду, но кое-кто может посчитать такие разговоры изменческими.

— Вот видишь! — возликовала старуха. — Ты совсем рехнулся, вести такие речи?

— Я только хотел сказать, что король не вечен, — не сдавался старик.

— Мне пора, — сказал Флойд. — Благодарю за уделенное время.

Он аккуратно прикрыл дверь, за которой все еще раздавались раздраженные голоса, и направился в сторону кордегардии. Сразу за домом Барретта Грина Медовая улица круто поворачивала на юг, и чуть дальше за поворотом было здание, где стражники могли поесть и даже поспать между дежурствами. Люк Фабер наверняка уже там. С утра они договорились, что Люк обойдет ближайшие дома за Фултоновским домом-над-аркой. Сержант Гривз при этом присутствовал, он начал было протестовать, но потом махнул на них рукой.

Флойд не ошибся. Люк встретил его широченной ухмылкой, по которой сразу было понятно, что у него есть новости.

— С тебя пиво, — заявил он с довольным видом.

— Ладно. Чем порадуешь?

— Я нашел свидетеля, который кое-что видел.

Глава 4

Ривервуд, Башня Инквизиторов

За узким длинным столом, заваленным книгами, сидели двое: парень и девушка, одетые в черное. Оба склонились каждый над своей книгой, увлеченно читая, даже не подняв глаз на вошедших.

Комната была побольше кабинета лорда-инквизитора, но все равно чем-то похожа: такие же сводчатые потолки, узкие стрельчатые окна и книжные шкафы.

— Познакомьтесь со своим новым коллегой, — сказал лорд Ирвин.

Никто из них не встал при виде начальника. Девушка так и продолжила читать, сосредоточенно нахмутив брови, но парень все же поднял голову.

— Это Алан Корбрей, — Уинбрейт небрежно махнул рукой в сторону Алана. — А это Теренс Блуэйт, наш доктор.

— Привет, — сказал Теренс. У него были темные волнистые волосы, серые глаза и такое выражение лица, будто он вот-вот улыбнется. По виду ему было чуть за двадцать.

— Он прекрасно разбирается в магических болезнях и других повреждениях в организме, — продолжил Уинбрейт. — Это Гизела Саммер.

Девушка наконец взглянула на Алана. Глаза у нее были голубые и прозрачные как льдинки. Красивая, но строгая на вид. Густые светлые волосы собраны в пучок на затылке, высокий воротник черного платья охватывает изящную шею. И абсолютно непроницаемое выражение лица.

— Добро пожаловать, — сказала она без тени радушия.

— Она прекрасно разбирается во всем остальном, — сказал Уинбрейт. — Если у тебя есть какой-то вопрос, не торопись зарываться в книги. Спроси сначала у нее, может быть она знает ответ.

С противоположной стороны стола было несколько пустых стульев. Лорд Ирвин опустился на один из них и указал Алану на другой.

— Гизела, — сказал он. — Ты должна помочь Алану восполнить пробелы в образовании. Видят боги, ему это необходимо.

— О, парень попал! — хмыкнул Теренс.

Алан неуверенно улыбнулся. Попал куда? Это шутка? Или предупреждение? Гизела смерила его оценивающим взглядом. Взгляд был холодный, но несмотря на это, Алану стало жарко. *Нет, правда, очень красивая девушка.*

— Еще у нас в команде есть Флloyd Эверли. Но сейчас он занимается опросом свидетелей, — добавил Уинбрейт. — Итак. Что мы имеем на данный момент?

Теренс закрыл свою книгу и отложил в сторону.

— Я осмотрел оба трупа, — сказал он. — Все оказалось даже хуже, чем мы думали.

Он помолчал, потирая небольшую бородку, которую, видимо, начал отпускать совсем недавно.

— Это теротропия.

В комнате повисла тишина. *Я слышал это слово*, подумал Алан. *Что-то такое Энбалд говорил...* Он покосился на Уинбрейта и понял, что лорд-инквизитор по-настоящему поражен.

— Теротропия? — переспросил лорд Ирвин.

И тут Алан вспомнил. Он невольно охнул и тут же выпалил:

— Это же магия фоморов?!

Уинбрейт не обратил внимания на его возглас, но Гизела кивнула. *О, боги милостивые! Во что же это я вляпался?*

— Не может быть, — сказал лорд Ирвин. — Об этой дряни никто не слышал уже лет... семь? С тех пор, как казнили Брейдена Флитвуда.

— Да, ровно семь лет, — подтвердила Гизела.

— У Флитвуда были ученики, — сказал Теренс.

— Да. Но их достаточно быстро переловили, — Уинбрейт смотрел на книжный шкаф позади стола, его взгляд перебегал с одной книги на другую.

— Видимо, не всех, — тихо сказала Гизела.

И снова воцарилась тишина. Алан пытался вспомнить, о ком идет речь, но память ему ничего не подсказывала.

— Жертв так и не опознали? — спросил Уинбрейт.

— Пока нет, — ответил Теренс. — Стражники опрашивают всех подряд, ищут кто из жителей пропал нынешней ночью.

— Придется мне поговорить с Сантемаром, — лорд Ирвин поморщился. — В этом деле нам никак не обойтись без их помощи. Нужно обойти все таверны в городе, проверить, нет ли магов среди приезжих.

— К Сантемару можно отправить Флойда, — сказал Теренс.

— Да, так и сделаем. Скажете ему, когда он вернется, — лорд Ирвин поднялся.

Теренс и Гизела опять остались сидеть, и Алан тоже не стал вставать. Если тут так принято, то обычная почтительность будет выглядеть подобострастием.

— Я поеду к Верховному магу. Гизела, подними архивы по делу Флитвуда, все до последней бумажки. Теренс, Алан, помогайте ей. Пока не вернется Флойд — она главная.

Уинбрейт развернулся и стремительно вышел, оставив приоткрытой двустворчатую дубовую дверь.

— Ты знаешь, кто такие фоморы? — спросила Гизела.

Алану потребовалось некоторое время, чтобы собраться с мыслями. Фоморами его пугали с детства, и он много чего про них слышал.

— Это чудовища, которые живут под землей. Все говорят, что они выглядят ужасно, но никто не может сказать, как именно. И они разумные.

Гизела кивнула.

— Да, очень разумные.

— Настолько разумные, что они могут проникнуть в сознание человека, — сказал Теренс.

— Они проникли в сознание тех людей? — спросил Алан. — Которых убили?

Теренс покачал головой:

— Нет, тех людей убили не фоморы. Это был человек.

Пожалуй, это были хорошие новости. Алану бы не хотелось оставаться в городе, по которому разгуливают чудовища.

— Какой-то человек убил их магией фоморов, — сказал он. — Теро... теротропия. Она запрещена?

— Конечно, — ответила Гизела.

— А как она работает? — спросил Алан.

«Никогда не скрывай, что ты чего-то не знаешь, — говорил ему Энбальд. — Мир огромен и всего знать невозможно. Каждый человек, даже самый мудрый, в чем-то невежествен. Если станешь делать вид, будто все понимаешь, ты никогда ничему не научишься». Следовать этому совету было нелегко: всегда есть риск, что тебя поднимут на смех. Но лучше уж прослыть болваном, чем остаться неучем.

Однако Теренс и Гизела и не думали смеяться.

— Ну... Если упростить... — сказал Теренс. — Преступник направляет на жертву поток темной магии, и жертва превращается в фомора.

— То есть, — сказал Алан, — человек превращается в чудовище?

— Теоретически да, — ответил Теренс. — Но науке не известно ни одного случая успешной трансформации. В самом начале превращения человек умирает. Это происходит очень быстро.

— В научных работах описано несколько случаев полной трансформации змей и ящериц, — добавила Гизела.

— Да, — кивнул Теренс. — И это были по-настоящему мерзкие твари.

Алана снова кольнул страх. *Ты знал, куда шел*, сказал он себе.

— Давайте пока вспомним все, что нам известно о деле Флитвуда, — сказала Гизела. — Алан, начнем с тебя. Что ты знаешь об этой истории?

— Ничего.

— Ничего? — удивилась Гизела. — Совсем ничего?

— А чего ты хотела, — сказал Теренс. — Он ведь даже не знает, что такое теротропия.

— Знает, — возразила Гизела. — Он сказал, что это магия фоморов.

— Я слышал это слово от моего учителя, — сказал Алан. — Он мне рассказывал про разные виды темной магии. Но я не помню ни про какого Флитвуда.

— Именно Флитвуд придумал термин «теротропия».

Алан пожал плечами.

— Ты давно приехал в Эдергейм? — спросила Гизела.

— Вчера, — ответил Алан. — Я родом из Хопсвилла, это в Нолдвире.

— Не может быть чтобы в Нолдвире не слышали о процессе Флитвуда.

— В Уолчестере наверняка слышали, — сказал Теренс. — Но Хопсвилл остался в блаженном неведении.

— Где именно находится Хопсвилл? — спросила Гизела. — Далеко от Уолчестера?

— Далеко, — ответил Алан. — Это на юге, возле Санбриджа.

В Уолчестере, столице Нолдвира, он был один единственный раз в жизни и запомнил только огромные дома и огромные толпы народа.

— Хорошо, — сказала Гизела. — Тогда ты, Терри. Что ты знаешь о Флитвуде?

— Ну-у, мне тогда было пятнадцать. Помню, мы с братом спорили, надо ли идти на площадь, посмотреть, как его сожгут. Брат тогда сказал, он точно пойдет, потому что он поэт, и ему надо знать «правду жизни». А я уже тогда решил, что стану врачом, поэтому тоже пошел, ведь мне «правда жизни» нужна не меньше. Надо сказать, потом мы оба об этом пожалели. Зрелище было крайне неприятное.

— Твои личные воспоминания конечно очень важны, — сказала Гизела с серьезным видом. — Но я бы хотела услышать все факты, которые тебе известны.

— Ну ладно, — вздохнул Теренс.

Он слегка откашлялся, выпрямился, положил руки на стол и продолжил:

— В 1109 году Верховному инквизитору Арлиндону поступил письменный донос на Брейдена Флитвуда, уроженца графства Белхарт. Письмо написала жена некоего мага (имя его я запомнил), который без вести пропал в Белхарте, в Ведьмином лесу. Казалось бы, чего тут странного, не он первый, не он, увы, последний. Ведьмин лес — такое место, куда добровольно сунется только сумасшедший. Ну, либо ученый, вроде нашего мага. Но его жена утверждала, что это была не первая его экспедиция, из всех предыдущих он благополучно возвращался без единой царапины и с ценными научными материалами.

Когда он не вернулся к назначенному сроку, его жена поехала в Белхарт на поиски. И там-то местные жители сказали ей, что, возможно, к исчезновению ее супруга причастен владелец поместья Тангерхолл, которое находится на самом краю Ведьминога леса.

Раньше это поместье принадлежало дому Тангеров, благородному, но вконец обнищавшему. У последнего лорда Тангера не было сыновей, только дочери. После его смерти наслед-

ницы продали поместье Брейдену Флитвуду, тогда еще молодому, но весьма преуспевающему аптекарю из города Марстона.

Через несколько лет после переезда Флитвуда в Тангерхолл по окрестностям поползли нехорошие слухи. Совершенно непонятно, откуда они брались. Немногочисленных слуг Флитвуд привез с собой и образ жизни он вел уединенный. Если не считать нескольких гостей, которые приезжали редко, но зато оставались подолгу. Люди говорили, будто Флитвуд и его друзья занимаются колдовством, проводят черные ритуалы в Ведьмином лесу, принося в жертву случайных путников.

Поскольку случайных путников в лесу было маловато, из окрестных деревень начали пропадать крестьяне. Ну, у нас тут не какая-нибудь Тенерия, приходиться к господскому дому с зажженными факелами не принято. Поэтому местные жители отправили своих представителей к графу Белхарту с просьбой разобраться в этом деле. Но граф от них отмахнулся, приказав не докучать ему сельскими байками.

Жена пропавшего мага оказалась женщиной благоразумной. С просьбой разобраться в этом деле она сразу же обратилась в Инквизицию. И не прогадала. Арлиндон заинтересовался этим случаем и начал расследование. В конечном итоге слухи подтвердились почти полностью. За исключением того, что Флитвуд и его приспешники похищали людей не для того, чтобы принести их в жертву, а для экспериментов.

— Расскажи подробнее про Флитвуда, — попросила Гизела. — Что за человеком он был.

— Ты ведь все это знаешь не хуже меня.

— Я знаю, но Алан — нет.

— Флитвуд унаследовал от отца аптеку в Марстоне и длинный список постоянных клиентов. Тогда ему было лет двадцать пять. Пару лет после этого он жил да радовался. Ему удалось еще увеличить доходы, поскольку он, как всякий хороший аптекарь, занимался алхимией. И, похоже, именно это его погубило. У Флитвуда была одна особенность, которая омрачала его благополучную жизнь. По ночам его часто мучили кошмары. В течение нескольких лет он пытался создать успокаивающее зелье, но без особого успеха. Пока не отправился в Ведьмин лес за новыми ингредиентами. Там он нашел какие-то ценные мухоморы...

— Мухоморы? — переспросила Гизела.

— Ох, ну не будь ты такой серьезной. Ну да, не мухоморы. Одну интересную травку под названием *Leonurus palustris*.

Наконец-то у Алана появилась возможность блеснуть знанием!

— Болотный львиохвост, — сказал он.

Гизела и Теренс уставились на него в замешательстве. Алан почувствовал, как у него краснеют уши.

— Ого, — сказал Теренс. — Ты изучал алхимию?

— Немного, — ответил Алан. — И еще немного изучал магию земли. Теорию.

— Как интересно, — сказала Гизела. — Обычно мальчиков в деревне обучает какой-нибудь знахарь.

— Моего учителя зовут Энбальд Бринмор, он зеленый маг.

— Повезло тебе, — Гизела чуть ли не улыбнулась. — В провинции редко можно встретить настоящий научный подход.

— Гизела сама провинциалка, поэтому знает, о чем говорит, — вставил Теренс.

— Ничего подобного. Мои родители из Бривии, но я родилась в Эдергейме. Впрочем, это неважно. Давай дальше про Флитвуда.

— Флитвуд продолжил исследовать Ведьмин лес и экспериментировать с новым зельем. Он так увлекся этой работой, что передал аптеку младшему брату и выкупил поместье Тангерхолл, чтобы не тратить время на дорогу. Но направление его поисков изменилось после

того, как он нашел в лесу мертвого фомора. Во всяком случае, так он сказал на допросе. Труп фомора он уничтожил перед тем, как к нему заявили боевые маги из Ривервуда.

— Но сам Флитвуд магом не был? — спросил Алан.

— Изначально не был. Но магические способности у него были, и у него были средства, чтобы скупать все книги, до которых он только мог дотянуться. Пожалуй, его можно назвать самым известным магом-самоучкой в истории.

— Это и правда большая редкость, — сказала Гизела. — Обучение без наставника в лучшем случае окажется бессмысленной тратой времени. А в худшем — может привести к беде.

— В истории с Флитвудом сработал второй вариант, — заметил Теренс. — Поэтому кое-кто считает, что у простых людей не должно быть доступа к книгам.

— Это очень вредное заблуждение, — Гизела нахмурилась. — Нельзя мешать просвещению.

— О, боги, зачем я это сказал? — Теренс прикрыл глаза рукой, словно у него заболела голова.

— Не книги творят зло, а дурные люди.

— Ладно, не заводись. Вот вернется Флойд, можешь спорить с ним сколько угодно, а я не буду участвовать в этой перепалке.

— Спорить и правда бессмысленно, вы все равно не сможете повернуть время вспять.

— Кто это мы? — Теренс теперь тоже хмурился.

— Те, кто мыслят слишком узко.

— Ну вот, назвала меня узколобым догматиком. Мило.

— Я тебя так не называла. Но что, по-твоему, нужно сделать? Уничтожить все арканографы, чтобы книги по старинке переписывали гусиным пером?

— Я тебе уже говорил, я не знаю, — Теренс откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. — Но нельзя, чтобы магические трактаты попадали в руки людей такого типа, как Флитвуд. Это же не советы по садоводству, в конце концов.

— Людей какого типа? Флитвуд просто хотел найти лекарство от ночных кошмаров.

— Дурных людей, ты же сама сказала.

— Изначально он не был дурным человеком. Если бы отец, вместо того, чтобы заставлять его заниматься семейным делом, отправил его в университет...

— Университета тогда не было.

— Неважно. Он мог бы найти для него учителя. Он ведь сам не горшками торговал, и не мог не заметить, что у его сына есть магические способности.

— Ага, значит, по-твоему, Флитвуд — невинная жертва обстоятельств?

— Нет. У него был выбор, и он понес ответственность за свои поступки.

— Но погибших людей это не вернуло.

Тут, наконец-то, возникла пауза, и Алан поспешил задать вопрос:

— Вы говорите, его сожгли?

— Да, — Теренс вздохнул. — Колдуна всегда сжигают. Только так мы можем быть уверены, что после смерти он не поднимется.

Алан кивнул, уж про такие-то истории он был наслышан.

— На площади он кричал, что мы все слепцы и не видим того, что видит он, — Теренс снова нахмурился. — К тому моменту, как его разоблачили, он был уже совершенно уверен, что его кошмары не были просто кошмарами. Он думал, что во сне видит будущее. О том, что фоморы захватят наш мир.

— Э... а это может быть правдой? — Алан полагал, что это вряд ли так, но уточнить было не лишним.

— Для него это было правдой, он говорил об этом даже под пытками. Он считал, что против фоморов можно бороться только их собственной магией, поэтому часть людей надо в них превратить. Флитвуд предполагал, что фомор, который когда-то был человеком, будет послушным, наподобие укрощенного демона.

— Но он просто был сумасшедшим? На самом деле он не видел будущее?

— Будущего не существует, — сказала Гизела. — Видеть будущее невозможно.

От такого заявления Алан слегка оторопел.

— Не существует? А как же все эти прорицатели и их предсказания? Сиаллин Провидица пятьсот лет назад увидела, что на нас нападут демоны.

— Прорицатели видят не будущее, а только наиболее вероятное событие, которое может случиться. Когда-то люди считали, что будущее предопределено, но эльфы давным-давно знают, что это не так. Сиаллин Провидица как раз показала людям, что нет ничего неизбежного.

— Так значит, есть такая вероятность? Нас могут захватить фоморы?

Гизела пожала плечами.

— Вероятность есть, но вряд ли она велика. После показаний Флитвуда этот вопрос исследовали самые известные провидцы, но никто ничего подобного не увидел.

— И священники тоже, — добавил Теренс.

— И священники. Некоторые из них могут видеть возможное будущее, но у них другой подход, не научный. В общем, и провидцы и священники сошлись во мнении, что кошмары Флитвуда были просто кошмарами.

— А я и не знал, что провидцы занимаются наукой, — сказал Алан.

— Да, предсказание — это наука, — ответила Гизела. — И очень сложная. Мало увидеть возможные события, нужно еще уметь рассчитать их вероятность. Но чем ближе событие по времени, тем проще. Например, сейчас я с большой долей уверенности могу предсказать, что через двадцать минут мы с вами будем сидеть в библиотеке и разбирать архивы по делу Флитвуда.

— Мы идем в библиотеку? — спросил Теренс.

— Да, если прямо сейчас не случится чего-нибудь неожиданного.

В этот момент в приоткрытую дверь просунулась бородастая голова в металлическом шлеме.

— Ну вот, посмотрите какой прекрасный пример! — воскликнула Гизела. — Сержант... э...

— Гривз, миледи, — сказал человек в шлеме и зашел в комнату. За ним появилась хмурая женщина лет сорока в синем шерстяном платье.

— Сержант Гривз наглядно показывает нам, как работают вероятности, — продолжила Гизела.

— У вас какие-то новости, сержант? — спросил Теренс.

— Ага, — ответил Гривз и указал на женщину. — Это вот Дорис Бичем. Она говорит, у нее муж пропал со вчерашнего дня. Надо бы показать ей трупы.

Глава 5

Эдергейм, Резиденция Верховного мага

Нестор Хейзмонт, Верховный маг Мирациновых Земель, даже в юности любил тепло. А теперь, когда ему уже исполнилось семьдесят два, тепло стало для него жизненной необходимостью. Поэтому с самого утра он приказал затопить камин в своем кабинете. Его посетителю Ирвину Уинбрейту наверняка было жарко. Но ничего, потерпит. Они оба сидели в креслах возле камина, Нестор чуть поближе, лорд Ирвин подальше.

— Вы не слишком-то продвинулись, — сказал Нестор. — По городу бродит неизвестный темный маг и убивает людей. А вы до сих пор не опознали жертв?

— Еще нет.

Если лорду Ирвину и было жарко, по его безмятежному виду этого никак нельзя было заметить. Формально он был подчиненным Верховного мага и даже соблюдал некоторую внешнюю почтительность, так что к нему никак нельзя было придраться. Но за этой почтительностью Нестору всегда мерещилась насмешка.

Когда умер Арлиндон, Нестор даже не пытался протолкнуть на пост главного инквизитора кого-нибудь из своих людей. Король всегда старался соблюдать баланс между Верховным магом и Верховным канцлером, поэтому Нестор ожидал, что на Малом совете будут обсуждать кандидатуру, предложенную канцлером. Но он обманулся в своих ожиданиях, никакого обсуждения вообще не было. Король просто сообщил им, что принцесса Кейра желает, чтобы лордом-инквизитором стал Ирвин Уинбрейт, племянник ее мужа. Ну и все. «Принцесса желает» — этого достаточно. Хотя, конечно, Нестор был неприятно удивлен. Последние годы Кейра в основном занималась тем, что пыталась помирить между собой многочисленное потомство короля, но назначение лорда Ирвина явно выходило за рамки сугубо семейных дел. Единственным утешением в тот день был вид кислой физиономии канцлера Гарольда Атерберри. Ему, также как и Нестору, было очевидно, что Уинбрейт наплюет на них обоих и будет продвигать свою собственную политику.

— Полгода назад, — сказал Нестор, — когда вы заняли пост лорда-инквизитора, у вас в подчинении оказалось три десятка опытных магов. Но вы их всех разогнали. И вместо них наняли этих молодых людей. Трех вместо тридцати.

— Их уже четверо, — ответил Уинбрейт. — Сегодня я нашел ищейку.

— Ищейку?

— Молодого парня с исключительным чутьем на магию.

Ну вот еще новости.

— А сам он маг? — осторожно спросил Нестор. Тема была опасная. Первое же разногласие, возникшее между ними, едва Уинбрейт приступил к работе. Он тогда заявил, что подчиненные маги ему не требуются, и был готов перейти к открытому конфликту. Нестору пришлось отступить. Связываться с Кейрой — себе дороже.

— Нет, — сказал Уинбрейт. — Обычный парень из деревни. Но он успешно прошел тест.

— Какой тест?

— Вы видите обманку у меня на шее?

— Вижу. Но не понимаю, зачем она вам.

И это было самой главной проблемой. Нестор никак не мог понять, чего же Уинбрейт добивается. Даже в мелочах он был загадкой. С виду — великолепный образчик благородного лорда. Лощеный, красивый, с безупречными манерами. И всегда роскошно одетый. Инквизиторы обычно одевались в черное, но лорд Ирвин часто появлялся в черно-зеленом бархате и непременно с золотыми украшениями. Зеленый и золотой — цвета дома Уинбрейтов. Сегодня

у него на шее была золотая цепь с магическим амулетом. Точнее, с очень дорогой безделушкой, которая покажется амулетом человеку со средними способностями, но, конечно же, не Верховному магу.

— Она мне нужна, чтобы отвлечь внимание вот от этого, — лорд Ирвин вытянул вперед левую руку.

На его безымянном пальце поблескивал изумруд в искусно выполненной золотой оправе. Неведомый мастер тщательно скопировал эльфийский стиль. Или не скопировал? Нестор прищелкнул пальцами и увидел слабую пульсацию.

— Ах, вот оно что. Хорошая маскировка.

Уинбрейт слегка кивнул, принимая комплимент.

— А зачем вы отвлекаете внимание от перстня? Бойтесь, что лесные эльфы станут вас преследовать? Так они все умерли.

— Просто не люблю, когда пялятся на мои руки.

Нестор усмехнулся, а потом сразу же вздохнул.

— Он хоть читать умеет? Этот ваш парень?

— Умеет.

— Вы проверили?

— Не было нужды. Этот парень занимался у сельского учителя по имени Энбальд Бринмор. Именно он дал ему письмо с рекомендациями.

— И часто вы читаете письма сельских учителей?

— Редко. Но этот учитель особенный.

Нестор помолчал, ожидая, не будет ли каких пояснений. Но Уинбрейт не счел нужным уточнить, чем же этот учитель отличается от остальных. Нестор мысленно пожал плечами и спросил:

— И этот юноша будет последним? Больше вы никого не собираетесь нанимать?

— Больше никого. Пока.

— Но почему? Всего пять человек. И ни одного мага, кроме вас.

И вот тут, наконец, лорд Ирвин удостоил его развернутым ответом:

— Для расследования такого рода преступлений не нужны маги. Нужны охотники на магов. И отделения Королевской Инквизиции должны быть в каждом крупном городе Мирациновых Земель. Не только в Эдергейме. Небольшие группы по три-пять человек, этого вполне достаточно. Инквизиторам не следует заниматься рутинной работой. Например, мы не будем ходить по окрестным улицам и выяснять, не пропал ли кто-то из жителей минувшей ночью. Это работа для городской стражи.

— Да, Сантемар уже приходил ко мне жаловаться, — Нестор отметил, что при упоминании начальника городской стражи Уинбрейт слегка прищурился. — Сказал, что Флойд Эверли болтает с местными кондитерами и жует пончики, в то время как его ребята бегают по всему городу и собирают информацию.

— А почему же он не пришел поговорить со мной?

— Он знает, что это бесполезно.

Лорд Ирвин улыбнулся. Улыбка у него была совсем как у его кузена Эвана Уинбрейта, любимого внука короля. Лишнее напоминание, что с королевской родней лучше не спорить.

— Я сказал ему, что безопасность в городе — это наше общее дело, — продолжил Нестор. — Поэтому стражники обязаны помогать инквизиторам.

— Благодарю вас, Верховный маг, — Уинбрейт склонил голову с видимым почтением, но тут же вскинул на Нестора насмешливые зеленые глаза.

— Еще чем-то я могу вам помочь? — вздохнул Нестор.

Он понимал, весь их предыдущий разговор был просто разминкой. Конечно, новость о теротропии была крайне важной и тревожащей, но лорд Ирвин не явился бы к нему лично

только для того, чтобы ее сообщить. Послал бы кого-нибудь из своих людей, скорее всего, эту девушку, Гизелу. Но раз он пришел сам, значит ему что-то нужно.

— Мне срочно нужен почтовый ящик, — Уинбрейт не стал ходить вокруг да около.

Всего-то?

— В университете есть почтовый ящик.

— Он слишком далеко от нас, и, к тому же, вокруг него постоянно толкуются люди.

Нестор откинулся на спинку кресла. Он уже знал, что ему придется согласиться, но он будет дураком, если не выжмет из этой ситуации все возможное.

Почтовые ящики стали новым, самым потрясающим изобретением последних лет — из тех, что обещали полностью изменить жизнь людей (которая и без того менялась в сумасшедшем темпе). Автором этого изобретения был Джонатан Пласскетт, один из двух ныне живущих гениев. Он специализировался на телепортации, которая уже давно считалась теоретически возможной, но только Пласскетту удалось добиться первых практических результатов. Он разработал устойчивую и надежную технологию перемещения небольших неживых предметов на неограниченное расстояние. Неживых — это ключевое условие для успешного перемещения. В последнее время Пласскетт экспериментировал с телепортацией насекомых, но пока безрезультатно. Причем проблемы возникали только если насекомые были живыми. Дохлые жуки или какая-нибудь другая мертвая органика, например, засохшие цветы, телепортировались идеально.

Но даже с такими ограничениями Пласскетт сразу сообразил, как он сможет сказочно разбогатеть. Его мать была из купеческого сословия, и, видимо, от нее он унаследовал торговую хватку. Впрочем, не стоило его за это осуждать, на дальнейшие исследования ему требовались огромные средства. Мгновенная доставка писем — вот на чем сосредоточил Пласскетт свои основные усилия.

Отправителю требовалось только опустить письмо — или другой мелкий предмет — в специальный лоток, в другой лоток положить медную монетку и указать адрес почтового ящика и имя получателя. В тот же миг письмо оказывалось у адресата, а монетка — в личном ящике Пласскетта. Почтовая сеть растет быстро, грамотных людей становится все больше, и медный ручеек Пласскетта в скором времени должен превратиться в полноводную золотую реку. И это только за доставку писем. Сама установка ящика стоит очень дорого.

— Вы представляете себе смету? — спросил Нестор.

— Представляю. Я готов оплатить работу Пласскетта из собственных средств.

Ого. Вот это интересно.

— Но необходимые магические эссенции я рассчитываю получить из университетских резервуаров.

— Даже если вы оплатите работу, тратить эссенции на отдельный ящик — слишком дорого.

— Вы недавно установили такой же в собственном доме, причем полностью за счет университета.

Ах ты наглец!

— Я — Верховный маг, милорд.

— А я — Верховный инквизитор. Вы знаете, чем доверху забит университетский ящик? Доносами. Ежедневно целые мешки доносов Гизела таскает в мою башню. По-моему, это не самое подходящее занятие для хрупкой женщины.

А чем еще можно занять эту бездарную девчонку? — с раздражением подумал Нестор. Он был уверен, что это являлось одним из условий Кейры. Когда-то давно он сам обратился к принцессе со своей идеей о создании университета, и она обещала ему поддержку, но при условии, чтобы женщины могли обучаться в будущем университете наравне с мужчинами. Наверняка она также потребовала от Уинбрейта взять на службу хотя бы одну женщину. Среди магов

Арлиндона женщин не было. Но вряд ли она имела в виду именно Гизелу. Вряд ли она вообще подозревала о ее существовании. Отец Гизелы, младший отпрыск какого-то малозначительного бривийского дома, не имел никаких связей ни при королевском дворе, ни в Глайморе.

Сам Нестор не имел ничего против того, чтобы женщины занимались магией. Его собственная мать была выдающейся волшебницей, так что возражения с его стороны выглядели бы странно. Но магия все же требует природных способностей, которыми Гизела Саммер не обладает. Также как она не обладает хорошими манерами и представлением об иерархии. Нестор вспомнил, как в последний раз Уинбрейт присылал ее с каким-то поручением. Она дерзко смотрела Верховному магу прямо в глаза и объясняла очевидные вещи как слабоумному. Впрочем, она ведь и не учится в университете. Она там работает.

— Полагаю, именно Гизела читает всю эту корреспонденцию? — осведомился Нестор.

— Просматривает. И отправляет основную массу прямиком в камин.

— Хм. А вдруг там будет что-то важное?

— Важное? Что-то о том, как теща-змея колдует? Вы говорили, мне нужны тридцать магов. Но мне нужны тридцать обычных человек, способных читать и выдержать все это. И способных выудить из этого потока случаи, которые действительно требуют внимания.

— Ну так наймите эти тридцать человек, я ведь об этом вам и говорю.

Уинбрейт махнул рукой.

— Забудьте. Это была просто фигура речи, одной Гизелы мне достаточно. Но ящик совершенно необходим прямо сейчас.

Нестор наклонился и подбросил в камин пару поленьев. Полюбовался взметнувшимися искрами. Когда он перевел взгляд на Уинбрейта, увидел, как тот едва заметно поморщился.

Ага, значит тебе все-таки жарко, подумал Нестор не без удовольствия.

— Лорд Ирвин, — сказал он, помолчав. — Я могу выделить вам нужные эссенции прямо по списку, он у меня до сих пор где-то лежит. Но и вам следует пойти мне навстречу.

Уинбрейт вопросительно вскинул бровь.

— Я должен понимать, на что вы тратите деньги. Я прошу вас предоставить отчет моему казначею за прошедшие полгода.

— Арлиндон перед вами не отчитывался.

Это было правдой. Золото в Ривервуд поступало из королевской казны с уже предусмотренными статьями расходов, которые обсуждались на Малом совете. «На исследования», «на обучение», «на обслуживание зданий» и так далее. Внутри этих статей Верховный маг имел право распоряжаться средствами как угодно, за исключением одной единственной: «на Королевскую Инквизицию». Лорд-инквизитор тратил эти деньги исключительно по своему усмотрению. Но, поскольку Арлиндон являлся вассалом канцлера Атерберри, последний наверняка был в курсе всех расходов.

— В случае Арлиндона было очевидно, куда идут все эти, немалые, надо сказать, средства. Но его тридцать человек — и ваши четверо... Я теряюсь в догадках.

Уинбрейт молча разглядывал Верховного мага своими зелеными глазами, явно прикидывая варианты.

— Лорд Ирвин, — тихо сказал Нестор. — Я вам не враг. У вас нет необходимости что-либо скрывать от меня. Мы с принцессой Кейрой всегда были союзниками.

Это было не совсем так. Вернее, раньше было так, а теперь иначе. Но Уинбрейту знать об этом незачем.

— Дело не в принцессе, — ответил Уинбрейт. — Мы с вами находимся по разные стороны крепостной стены. Вы отстаиваете интересы магов, а я — тех людей, которые могут пострадать от их действий.

— Я тоже на стороне простых людей! Мы ведь и создали университет для того, чтобы магия была под контролем. Чтобы все эти доморожденные ведьмы и колдуны выползали из

своих темных углов и ехали сюда учиться. Это ведь и им самим нужно! Подумайте, сколько невинных женщин сожгли невежественные селяне из-за того, что у них сдохла лишняя пара коров.

— Вот видите, Верховный маг, — сказал Уинбрейт. — Вы и не заметили, как сразу приняли сторону ведьм, а не селян с их коровами.

— Я никогда, — ответил Нестор совершенно искренне. — Никогда не обращал магию во зло. И никому никогда не позволял ничего подобного.

«Я не мой отец», — мог бы он добавить, но такое можно сказать только королю Конраду. Хотя, что такого особенного он бы сообщил королю о своем отце? Наоборот, это Конрад мог бы поведать пару-тройку новых историй о Николасе Хейзмонте, которые его сын не знал и знать не хотел.

— Я ни единого мгновения не сомневался в этом, Верховный маг, — заверил его Уинбрейт. — Но у меня есть сомнения в отношении некоторых людей из вашего окружения.

— В самом деле? — изумился Нестор. — И о ком идет речь?

— Я не назову вам имен, пока у меня не будет твердых доказательств.

— Уверен, вы их и не найдете. Я не имею привычки приближать к себе людей, которых знаю недостаточно хорошо. Впрочем, не могу вас винить, ваша должность прямо-таки обязывает вас быть излишне... подозрительным. Надеюсь, речь идет не о теротропии? — Нестор улыбнулся.

Но Уинбрейт был совершенно серьезен.

— Нет, речь идет о некромантии.

Ну надо же. То есть, он действительно копает под кого-то из моих? Надо будет подумать об этом на досуге.

— Можете рассчитывать на мою всестороннюю поддержку. Если вы предоставите доказательства, я лично закую негодяя в цепи, кто бы это ни был.

— Негодяев, — поправил его Уинбрейт.

— Даже так? Ну, я еще не настолько стар, чтобы не справиться с двумя или тремя.

Да хоть с целой сектой, черт возьми. Все это, конечно, полнейший вздор. Странно, Ирвин Уинбрейт всегда казался мне разумным человеком. Тут только одно из двух: либо я его переоценил, либо... либо он копает не под моих людей, а прямо под меня! Метит на мое место? Об этом тоже надо подумать.

— Так что вы скажете по поводу отчета для казны? Чем скорее вы его предоставите, тем скорее получите ваш ящик.

Уинбрейт, видимо, уже принял какое-то решение, поскольку ответил он больше не раздумывая:

— Вы получите отчет послезавтра утром. Буду очень признателен, если к этому же времени вы распорядитесь относительно эссенций.

— Договорились. Благодарю вас, милорд.

А если благородный лорд вздумает мухлевать, Фасмер быстро выведет его на чистую воду. Тилл Фасмер — лучший в мире счетовод и просто умный человек. Если кто и поможет понять, что задумал Уинбрейт, то только он.

Глава 6

Эдергейм, Медовая улица

На скамейке возле окна сидел парнишка лет четырнадцати с взъерошенными волосами и очень серьезным выражением лица.

— Доминик Эггерт, — представил его Люк. — Живет прямо возле арки. Он услышал, как я расспрашивал его родителей. Там, понятное дело, никто ничего не видел. Но парня замучила совесть, и он сам к нам сюда пришел.

— Очень хорошо, — Флойд подтащил поближе стул и уселся напротив мальчика. — Рассказывай все подробно, Доминик.

— Мои родители и правда ничего не видели, сэр, — сказал Доминик. — Они ночью спали, а я был в гостиной и смотрел в окно.

— Да? А ты почему не спал?

Доминик слегка покраснел и взглянул на Люка.

— Ну давай, — поторопил его Люк. — Мне же ты уже все рассказал, чего теперь стесняться.

— Э-э-э... — начал было Доминик и снова замолчал.

— Ладно, я сам расскажу, — Люк слегка присел на край стола, и стол протестующе заскрипел. — Если ты опять начнешь экать и мекать, мы тут до ночи проторчим. Поправляй меня, если что не так. В общем, в доме напротив живет девушка по имени Мелисса. Они с Ником друг в друга влюблены.

Доминик покраснел еще гуще, но не стал поправлять Люка.

— Им запрещено встречаться, потому что их родители терпеть друг друга не могут. И потому что они оба, и Ник, и Мелисса, еще слишком молоды. Насчет второго, парень, родители не так уж неправы, — Люк со значением посмотрел на мальчишку. Флойд вспомнил, что у самого Люка была тринадцатилетняя дочь, так что этот вопрос был для него немаловажным.

Доминик слегка наклонил голову, но, судя по его упрямому выражению, вряд ли согласился с этим замечанием.

— Наши влюбленные договорились, что раз в неделю, ночью, они будут зажигать свечу и подходить к окну каждый в своей гостиной, чтобы хоть издали друг на друга полюбоваться. Правильно?

Доминик кивнул, а Флойд вдруг ощутил смутную печаль.

— И вот, на наше счастье, почти всю прошедшую ночь ребяташки проторчали у своих окон.

— Мы переписывались, — вставил Доминик.

— Переписывались? — не понял Флойд. — Каким образом?

— У нас у каждого есть маленькая доска и мел. При свече буквы хорошо видно.

— Вот вам пожалуйста — плоды всеобщей грамотности, — проворчал Люк. — Родителям, небось, сказал, что доска нужна для занятий.

— В каком часу ты подошел к окну? — спросил Флойд.

— Ровно в час. Мы всегда ждем, когда пробьет час. Ну, чтобы все уже точно заснули.

— Так. И ты видел что-то на улице?

— В три часа прошел патрульный. То есть, сначала колокол пробил три часа, а через какое-то время он прошел.

— А затем ты увидел кого-то еще? Верно?

— Да, сэр. Потом прошел еще один человек. Только один. Тот самый, которого потом убили.

Мальчишка посмотрел Флойду в глаза. Румянец с его щек уже сошел.

— Вот теперь не торопись. Итак, ты стоял и смотрел на Мелиссу, а потом увидел какого-то человека. Сколько времени прошло после патрульного?

— Ну-у, довольно много. Но меньше часа. Четыре пробило уже потом.

— В какую сторону он шел?

— В сторону арки. Он зашел под арку и пропал из виду.

— Ты его хорошо разглядел?

— Хорошо. Я подумал, вдруг это кто-то знакомый.

— И оказалось?

— Оказалось, это кто-то чужой.

— Ты уверен, что не видел его раньше?

— Я его не помню. Может когда-нибудь видел, у нас тут много народу бывает. Ну, то есть, днем.

— Как он выглядел?

— Человек как человек. Не слишком худой, не слишком толстый. И не слишком старый.

— У него была борода?

— Была, но небольшая. Он, когда мимо проходил, поднял голову и посмотрел на меня. Наверно удивился, что свет горит.

— Он не выглядел испуганным? Обеспокоенным?

— Нет, сэр. У нас тут можно гулять по ночам и не бояться. Стражники ходят и фонари светят.

— Во что он был одет?

— На нем был серый плащ. Примерно до колен длиной. Я еще удивился, зачем такой короткий плащ, какой смысл? По этому плащу я его и признал... потом... — Доминик запнулся.

— Погоди, не забегай вперед. Он прошел под аркой и пошел дальше по улице?

— Я не видел. Под аркой темно, и остальную улицу она загораживает.

— Понятно. Что было дальше?

— Дальше начало светать, и Мелисса сказала, что идет спать. Мы попрощались, и она ушла, а я задержался. Воск со свечи стек на подоконник, надо было его отскрести, чтобы мать ничего не заметила. Ну, с этим я справился, и уже собрался идти спать, но тут услышал крики. Было уже светло. Я поэтому решил, что мне не влетит, если я сбегая посмотреть, что там случилось.

Ник сглотнул, но, надо отдать должное, держался он хорошо.

— Я когда подошел, там уже была толпа народу. Я увидел этого мертвого человека и сразу понял, что это он. Тот, который мимо нас проходил. Хотя у него была уже другая голова... — парнишка снова сглотнул. — Второго я и не заметил, его люди загораживали. Потом кто-то закричал, что это колдовство, и все начали разбегаться в разные стороны. Ну, и я тоже побежал.

— Так. Ты теперь знаешь, что убиты были двое. Спрошу у тебя еще раз: ты уверен, что после патрульного прошел только один человек и больше никого не было?

— Уверен.

— Откуда же, по-твоему, взялся второй труп?

— Я не знаю, сэр. Мы сначала думали, это кто-то из местных. Но потом соседи сказали, что это тоже чужак. Ну, раз так, значит он подошел к тому месту с другой стороны. Мимо меня он не проходил, это точно.

— Хорошо, Доминик. Ты нам очень помог с расследованием. Я тебя попрошу и на будущее, если увидишь или услышишь что-то необычное, сообщать нам. Обращайся сюда или в Ривервуд. А теперь можешь идти, лучше бы сразу домой. Время уже позднее, а преступник все еще где-то бродит.

Доминик встревоженно кивнул и поспешил к выходу.

— И вот нет чтобы сразу нам об этом рассказать, — пробурчал Люк, когда за мальчиком закрылась дверь. — Мы, почитай, весь день убили на бессмысленную работу.

— Не такую уж бессмысленную, — задумчиво сказал Флойд.

— Ну ты-то да, ты допрашивал тех, у кого прямо под окнами это случилось. Но мы ходили по домам, которые дальше по улице, за мальчишкиным домом. Понятно, что тамошние жилыцы ни сном ни духом. — Люк почесал нос. — Ну так что, найти тебе чего-нибудь пожевать или пойдем сразу в «Кабанчик»?

— Давай в «Кабанчик».

— Отлично! Только я сейчас еще раздам пару ценных указаний ребятам. Подожди здесь, я мигом.

Люк вышел из комнаты, оставив Флойда в одиночестве разглядывать каменные стены. *Удачно получилось, что эта кордегардия ближе всех к Ривервуду*, подумал Флойд. Когда-то он здесь служил, недолго, всего пару месяцев, потом его перевели в центральную часть города. Но даже за этот короткий срок он успел обзавестись здесь приятелями, и теперь это очень пригодились. Особенно он сдружился с Люком. У них нашлось много общего, несмотря на то, что Люк был старше и обременен семьей. А еще, в отличие от Флойда, Люк плохо ладил с начальством. Именно поэтому он в свои годы так и не стал сержантом. Но молодые стражники все равно его слушались. Выглядел Люк внушительно: высокий грузный мужчина с черной бородой и зычным голосом.

Если не считать центральной, всего кордегардий было четыре, в каждой части города по сторонам света. Флойд начинал службу в Южной, она находилась на границе между Дорсундом и Седжмиром, двумя районами, где жила беднота. Нищему парню без боевых навыков попасть в городскую стражу было непросто, но за него замолвил словечко сосед Редж Уивер, ветеран тенерской кампании. У Реджа была только одна рука, и пил он как сволочь, но при этом пользовался уважением в округе. Он был старым собутыльником отца Флойда, Осмунда Эверли, и после гибели Осмунда решил, что он должен позаботиться о его сыне.

Осмунду проломили голову в пьяной драке, когда Флойду было пятнадцать. Не сказать, чтобы это стало для него большой трагедией, даже несмотря на рыдания матери. Он понимал, что мать плачет не столько по отцу, сколько от ужаса. «Что же теперь с нами будет?» — спрашивала она, но Флойд пожимал плечами. Он работал с двенадцати лет, и давно уже понял, что если не лениться, то по крайней мере на еду им хватит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.